

Неэтичное поведение участников судебных прений, их амбициозность и неуважительное отношение друг к другу - это прежде всего показатель их низкой общей и профессиональной культуры, свидетельство непонимания ими задач и целей правосудия.

Как бы не был убежден тот или иной участник судебного процесса в своей правоте, насколько бы неосновательными не казались ему утверждения и доводы противной стороны, он не в праве возмущаться и раздражаться по этому поводу. Его задача спокойно и убедительно обосновать свою позицию, дезавуировать возражения своего процессуального противника, аргументированно отстоять свою точку зрения. Глубоко верным остается то положение, что чем значительней расхождения в отстаиваемых позициях между участниками судебных прений, чем острее ведущийся спор относительно тех или иных фактических и юридических обстоятельств уголовного дела, тем больше сдержанности и такта должны проявлять участники судебных прений, тем убедительнее должны быть содержащиеся в их речах аргументы и доводы, тем более доказательными должны быть выводы и предложения.

ИНСТИТУТ ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

И.В. Данько

*заведующий кафедрой экономического и финансового права
ЧУО «БИП-Институт правоведения»,
кандидат юридических наук, доцент*

В соответствии со ст. 22 Конституции Республики Беларусь все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. Данное установление в сфере уголовного процесса развивается и конкретизируется в ст. 20 УПК, часть 2 которой определяет, что производство по материалам и уголовному делу осуществляется на основе равенства граждан перед законом независимо от их происхождения, социального, должностного и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, политических и иных убеждений, отношения к религии, пола, образования, языка, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств.

Вместе с тем в отношении отдельных категорий лиц, наиболее уязвимых в социальном плане, законодатель предусматривает особенности, направленные на повышение уровня защиты данных граждан. Одной из таких дополнительных гарантий является институт законного представительства, применяемый прежде всего к несовершеннолетним участникам уголовного производства. В процессуальной теории он формулируется как система правоотношений между лицом, не обладающим полной уголовно-процессуальной дееспособностью, и лицом, специально указанным в законе, в

рамках которых «происходит защита прав и законных интересов представляемого лица путем реализации собственных прав, присущих законному представителю, а также содействия в реализации прав и законных интересов представляемого» [1, с. 16-18]. Э.Б. Мельникова отмечает, что участие законного представителя несовершеннолетнего связано с двумя обстоятельствами: 1) неполнотой процессуальной дееспособности несовершеннолетнего; 2) ответственностью законного представителя за воспитание и поведение несовершеннолетнего [2, с. 70–71]. При этом, как верно утверждает В.М. Лебедев, «одним из основных условий применения норм уголовно-процессуального права в соответствии с волей законодателя является уяснение терминов, используемых в уголовном процессе» [3, с. 9].

В п. 8 ст. 6 уголовно-процессуального закона, предусматривающей разъяснения понятий и наименований, содержащихся в УПК, законные представители трактуются как «родители, усыновители, опекуны, попечители подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, потерпевшего или гражданского истца; представители организаций, на попечении которых находятся подозреваемый, обвиняемый, лицо, совершившее общественно опасное деяние, потерпевший или гражданский истец».

Из приведенной нормы следует, что законному представителю разрешается вступить в процесс лишь после возбуждения уголовного дела. Это подтверждается и другими предписаниями, например, ч. 3 ст. 56 УПК, в соответствии с которой орган уголовного преследования или суд своим постановлением (определением) признают и допускают к участию в производстве по уголовному делу в качестве законных представителей соответственно подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, потерпевшего, гражданского истца одного из родителей, усыновителей, опекунов или попечителей каждого из них либо представителей организаций, на попечении которых они находятся. Причем согласно ч. 2 ст. 436 УПК законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого допускаются к участию в уголовном деле с момента первого допроса.

Иными словами, законный представитель может появиться в процессе только тогда, когда производство по уголовному делу уже осуществляется и несовершеннолетнему придан соответствующий процессуальный статус (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего). Однако деятельность органов дознания и предварительного следствия не ограничивается производством по уголовным делам, начинаясь гораздо раньше – при рассмотрении заявлений, сообщений о преступлении. В настоящее время данная стадия уголовного процесса фактически превратилась в полноценное расследование. В 2017 году ее правовое регулирование в очередной раз расширилось. Между тем еще до этого А.А. Данилевич и В.И. Самарин справедливо заметили, что современная стадия возбуждения уголовного дела «сблизилась по своему содержанию с

расследованием уголовного дела, превратилась в его суррогат» [4 с. 28]. С учетом поправок 2017 года и существовавших ранее возможностей продления срока проверки по заявлению или сообщению о преступлении, длительность стадии возбуждения уголовного дела сейчас может достигать до шести месяцев, значительно превышая начальный срок предварительного следствия. При этом, исходя из УПК участие законных представителей в этот период не предусмотрено, что негативно сказывается на интересах как несовершеннолетнего лица, в отношении которого проводится проверка его причастности к преступлению, так и несовершеннолетнего пострадавшего. Указанные субъекты активно вовлекаются в процессуальную деятельность в ходе проверки заявлений, сообщений о преступлении. Как правило, у них берется объяснение, по сути, мало чем отличающееся от допроса. Причем получается оно иногда неоднократно. Н.М. Савина приводит случаи, когда граждане по 6-7 раз вынуждены были являться по вызову для дачи объяснения [5, с. 12].

Усугубляет ситуацию и то, что на этой стадии процесса закон не предусматривает участия не только законных представителей несовершеннолетнего, но и других лиц, которые могут оказать последнему юридическую и психологическую помощь при производстве с ним процессуальных действий. Речь идет о защитнике, за исключением случаев задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, о педагоге или психологе, участие которого обязательно в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (ст. 435 УПК), а также потерпевшего и свидетеля, не достигших 14-летнего возраста (ст. 221 УПК).

Таким образом, институт законного представительства в уголовном процессе согласно УПК не охватывает отношения, возникающие до возбуждения уголовного дела, – именно там, где в наибольшей степени несовершеннолетние граждане нуждаются в помощи и поддержке со стороны близких. В этой связи необходимо изменение существующего порядка появления законного представителя в уголовном процессе. Думается, он должен иметь возможность участвовать в производстве по материалам и уголовным делам с момента осуществления процессуальных действий с несовершеннолетним лицом независимо от наличия у последнего правового статуса подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего. Подобная регламентация соответствующих отношений позволит законному представителю с самого начала уголовно-процессуальной деятельности, во-первых, отстаивать права и интересы несовершеннолетнего, во-вторых, оказать помощь органам уголовного преследования в установлении психологического контакта с подростком.

Библиографический список

1. Тетюев, С.В. Отзыв об автореферате диссертации Е.А. Ухаревой «Участие законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в производстве следственных действий (правовые и организационные аспекты)» // Вопросы ювенальной юстиции. – 2011. – № 3. – С. 16 – 18.
2. Мельникова, Э.Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии / Э.Б. Мельникова. — М. : Дело, 2001. — 272 с.
3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / О. Н. Ведерникова [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. – М., 2014. – 1054 с.
4. Данилевич, А.А., Самарин, В.И. Место стадии возбуждения уголовного дела в системе уголовного процесса Республики Беларусь // Законность и правопорядок, 2013. – № 3 (27). – С. 24 - 29.
5. Савина, Н.М. Процессуальные издержки: некоторые проблемные вопросы правовой регламентации / Н.М.Савина // На страже. – 2011. - 15 июля. – С. 12.

МЕДИАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ. ИСТОРИЯ ОДНОГО ЗАКОНОПРОЕКТА

Л.Л. Зайцева

*заведующий кафедрой прокурорской деятельности
УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников
прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»,
кандидат юридических наук, доцент*

В конце прошлого века во многих странах мира появились программы восстановительного правосудия в ответ на кризис традиционной карательной модели правосудия, основная цель которой состоит в привлечении к уголовной ответственности и наказании лиц, совершивших преступления.

Визитной карточкой восстановительного правосудия является особое отношение к событию преступления и его участникам – обвиняемому и потерпевшему. Это отношение состоит в том, что преступление нуждается прежде всего не в наказании и каре обвиняемого, а в восстановлении нанесенного жертве морального, психологического, материального ущерба и социальной реабилитации преступника с целью предотвращения рецидива с его стороны.

Центральным элементом восстановительного подхода к правосудию выступает посредничество (медиация) как специально организуемая процедура, в которой жертва и правонарушитель (обвиняемый) имеют возможность добровольно участвовать в решении порожденных преступлением проблем с